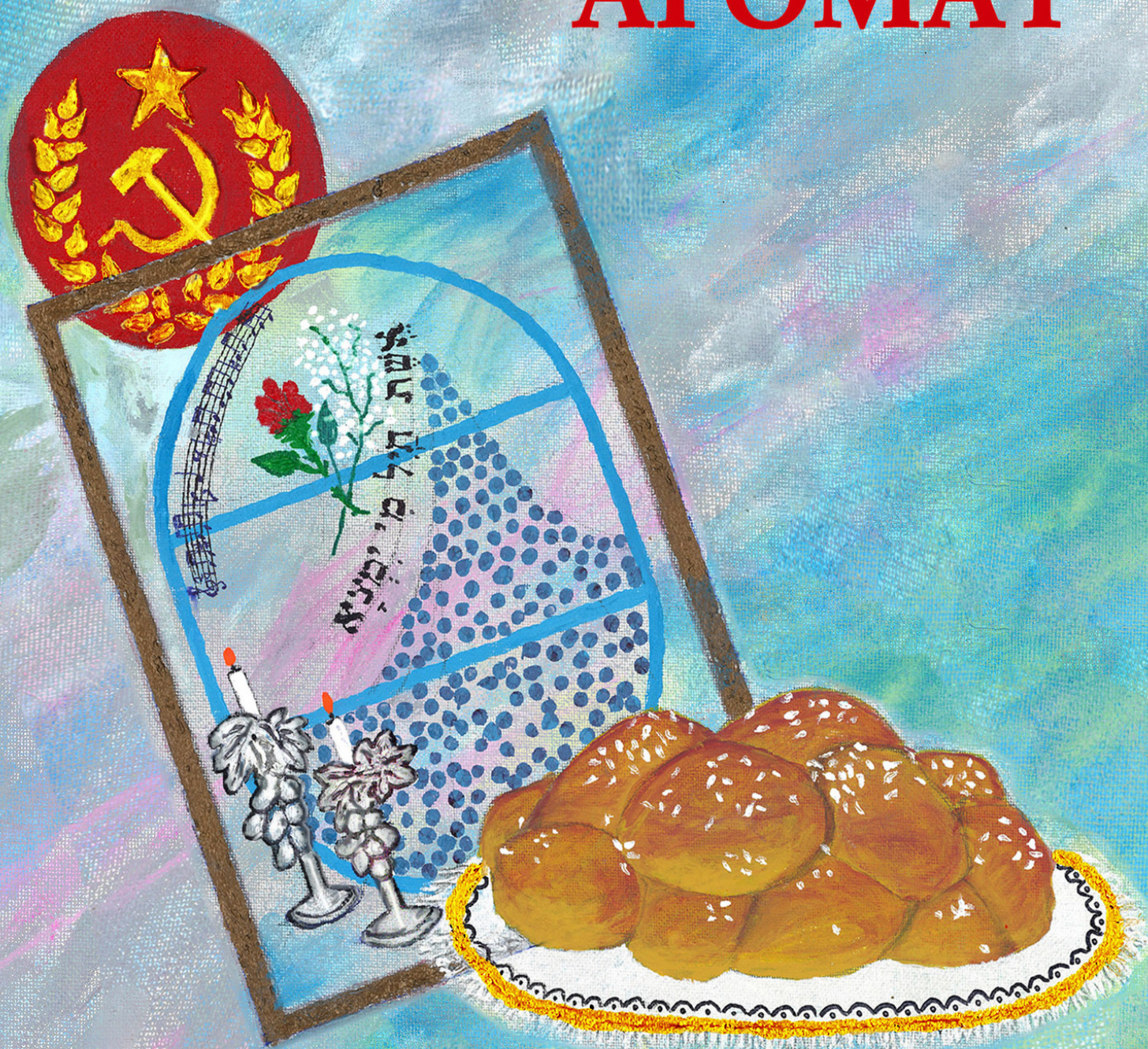

Тамар Бимбад

СУББОТНЕЙ ХАЛЫ

АРОМАТ

Тамар Бимбад
Субботней халы аромат

«Э.РА»

2018

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Бимбад Т.

Субботней халы аромат / Т. Бимбад — «Э.РА», 2018

ISBN 978-5-99062-256-2

«Субботней халы аромат» – вторая книга автора представляет собой мемуарно-биографическое откровение о поиске себя, трансформации взглядов от атеизма к вере, от светского образа жизни к ортодоксальному иудаизму. Цель автора – поделиться с читателем личным процессом перехода и объяснить свои духовные достижения. Всё повествование представляет собой цепь реальных историй из жизни в СССР и США, обрисовывающих специфику, трудности роста, адаптации, оценки и переоценки ценностей. Книга рассчитана на подростков и юношество (16+), то есть на возраст, в котором автор свершала свои незрелые шаги, не зная лучших путей. Рядом описаний и размышлений книга может быть интересна и старшему поколению читателей обоих континентов.

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-99062-256-2

© Бимбад Т., 2018

© Э.РА, 2018

Содержание

Предисловие	8
Глава 1. Советское детство	13
Томочка	13
Боренька	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Тамар Бимбад

Субботней халы аромат

*Моим дорогим детям, внукам и всем,
кто придёт потом, посвящается...*

От всей души благодарю раввина Берела Зальцмана, кто первый затронул меня еврейским словом и под чьим мудрым руководством я и моя семья стали тем, что мы есть сегодня. Особая благодарность его супруге, ребецин Зальцман, "ОВМ", за практическое руководство всеми бытовыми переменами в нашей новой религиозной жизни.

Огромная благодарность раввину Элиягу Вчераианскому за двадцатилетнее талантливое преподавание Торы, Таниш, Пророков, Заповедей, Молитвы и Иврита, за духовное руководство и личную дружбу.

Особая благодарность нашему давнему другу – Наташе Чёрной, без помощи которой многое с рождением этой книги могло не случиться.

О рисунке обложки «Субботней халы аромат»

Обложка – это лицо книги, которое должно увлечь читателя, по-своему подсказав идею целого и определив направленность авторского замысла. Рисунок обложки к книге «Субботней халы аромат» выполнен в стиле предметной живописи, дающей возможность передать мысль говорящей символикой предметов, благодаря заложенному в созданный Творцом мир способа и возможности модулирования.

Всё то, что происходит на рисунке, парит на фоне неба под покровом облака, которое символизирует постоянное Б-жье Присутствие над нашими головами. Того самого, которое когда-то освящало и направляло евреев в пустыне в дни Великого Исхода. Всё духовное, что исходит с небес, требует от нас, стоящих на земле, поднять голову вверх, то есть приложить усилия для постижения духовной приближённости, святости и Б-жественного совершенства. Видеть и понимать эти ценности доступно только думающему существу, т. е. человеку и только ему.

На небе рисунка находятся три предмета: хала, эмблема *серп- и- молот* и маленькая картина в рамке, внутри которой находятся важные и по-своему интересно «говорящие» детали.

Серп-и-молот в обрамлении пшеничных колосьев – символ единства работников сельскохозяйственного фронта и индустриального рабочего класса, представляющего собой суть советской власти. *Серп-и-молот*, как и 5-ти конечная звезда – атрибуты советского строя и страны, которой мы слишком долго доверяли. Это место нашего духовного галута, «советского Египта», из которого мы совершили исход.

Хала – центр еврейского Субботнего и праздничного стола. Домашняя хала – гордость любой хозяйки. Это символ насыщенности благом, физическим и духовным, несущим радость в дом. Идею халы можно трактовать как достигнутый результат, несущий удовлетворённость жизненным итогом, как насыщение после далёкого и трудного пути.

Как, спрашивается, могла произойти глубинная трансформация сознания человека, пришедшего из одного экстрима (советский галут) в другой (еврейский религиозный образ жизни)?! Вся моя книга посвящена рассказу об этом. Но на обложке, в иносказательной форме, об этом говорит маленькая прозрачная картина, втиснутая между эмблемой СССР и халой. Мне не пришлось изобретать её элементы и символику. Я просто визуальным образом изобразила то, что

узнала из Тании, учения хасидизма, и Торы, помогающих понять процессы, происходящие в душе человека. В широком смысле слова трансформация сознания достигается притоком знания, деятельным, сознательным, каждодневным прикладыванием этого знания к себе и своей жизни. Это постепенный, но сполна вознаграждающий за труды процесс, помогающий выстраивать себя и свои отношения с миром.

В «бронзовой» рамке картины все детали размещены внутри синего овала, разделённого на три сферы. Точки-горошинки – это мы, люди. И вся эта пирамида людей организована поразному. В нижней части – полный беспорядок, отсутствие рядов и симметрий – это **грешники**, влекомые по жизни инстинктами, животными желаниями, то есть «глазами своими»¹.

В средней части – середняки, люди, старающиеся обуздать своё животное начало, пробудить свой разум, углубить духовность Б-жественным объективным знанием и прилагать это знание к каждому повороту своей жизни. Средняки – это падающие и встающие, те, кто учится на своих ошибках, проводя их через своё сознание. Похоже, это мы с вами. Точки-горошинки становятся стройнее, но пока без совершенства рядов и симметрий.

И, наконец, верхушка, стройно организованная. Это – **праведники**, те, кто без изъяна, чьи одежды (мысли, речь и поступки) всегда чисты своей святостью и совершенством намерений и действий. Их мало, их единицы, но они выше и совершеннее всех нас. В них окончательно побеждено зло животного начала. Потому они способны на лидерство.

Ничто так не подходит к букету роз как baby breath, маленькие белые комочки на стройных длинных веточках. Роза на рисунке обложки – символ духовной красоты еврейской женщины, Эйшес Хаил (иврит), на которой зиждется еврейский дом. Baby breath – её спутник жизни, глава семейства. Но речь сейчас не о нём, а о ней, потому что на ней всё держится. Выписанная на нотном стане подлинная мелодия – гимн еврейской женщине, который звучит в её адрес из уст супруга каждый Шаббос. Красотой мелодики, еврейских слов и своеобразием графики букв восхваляются её достоинства и духовная содержательность. Дополняя друг друга, муж и жена должны представлять собой неделимое целое. Они оба – люди, которым самим Творцом поручена особая приближённость к праведности. Этой программе трудно соответствовать всегда, но надо. В этом состоит их цель и высокая миссия быть образцом для следующего поколения еврейского народа.

Серебряные подсвечники выполнены в виде виноградной лозы, как символ семьи, наполненной детьми, которые подхватят факел еврейских духовных ценностей и понесут их дальше во времени и пространстве. А женщина-мать должна дарить им свет и тепло, стгорая сама, как те Субботние свечи.

Тора – книга жизни. В ней 613 заповедей, то есть 248 предписывающих и 365 запрещающих. Их достаточно много, чтобы покрыть ими все жизненные ситуации, могущие возникнуть в бегущей повседневности. Спасибо Творцу, что дал нам исчерпывающее, единственно объективное руководство по управлению собой и дальнейшему созиданию окружающего мира.

Итак, описанный рисунком обложки путь от серпа-да-молота к многозначительности Субботней халы – это дорога по знания Б-жественного наследия и внутренней работы над собой, работы длиною в жизнь.

*Субботней халы аромат,
Плетённой женскими руками,
Насытит мысль, расцветит сад
И даст опору под ногами*

---

¹ «Глазами своими» – из «Утренней молитвы».

К моему золотому еврейству...²

*К моему золотому еврейству
Прикасаюсь заблудшей душой.
Проходя чрез пространство и время,
Я казалась себе «небольшой».*

*Небольшой по сравнению с Великим,
С Торы мудростью и чистотой.
Сделать всех «небольших», как цадиким,
Может Б-г всемогущей рукой.*

*Пробежало советское детство
Через юность святое достать.
Подарил мне Вс-вышний еврейство,
Чтобы детям моим передать.*

*Как встречались мне разные люди
С духом, знанием, с сердцем большим, —
Сколько чувств, сколько мицв, сколько мыслей,
Сколько дружб мы друг с другом прошли!*

*К моему золотому еврейству
Прикасаюсь спасённой душой
И о том, как всё это сложилось
Повествую я каждой строкой...*

---

² Первые строки, как и ритмика стиха, взяты мной из одноименной песни Кати Капельниковой, рассказ о которой впереди.

Предисловие

Эта повесть – невыдуманный рассказ о событиях моей жизни и обстоятельствах, которые повлияли на формирование меня, как личности, на трансформацию состояния души, начавшуюся в одном качестве в юные годы и приведшую в зрелом возрасте к противоположному по смыслу, значению и ощущениям состоянию.

Спешу заметить, что мне не пришлось совершать героических подвигов, борьбы с собой, а посему я гоню свои и чужие мысли о якобы заслуженной «короне за труды праведные». Всё случилось естественно и просто, заняв, правда, несколько десятков прошедших в наблюдениях и размышлениях лет.

Все почести за произошедший переворот положены только Вс-вышнему. Это Его заслуга, а не моя. Он, Бесконечный – Создатель огромных миров, как и Создатель всех нас, конечных человеческих жизней. Он Все почести за произошедший переворот положены только Вс-вышнему. Это Его заслуга, а не моя. Он, Бесконечный, – Создатель огромных миров, как и Создатель всех нас, конечных человеческих жизней. Он – Вс-могущий сделать то, что не под силу нам, людям. Народы для Него «подобны капле, упавшей из ведра, подобны пыли на чашах весов, ведь острова – словно пыль на ветру. Вс-могущий сделать то, что не под силу нам, людям. Народы для Него *«подобны капле, упавшей из ведра, подобны пыли на чашах весов, ведь острова – словно пыль на ветру³»*.

По своему усмотрению Он сотворил и меня с определённым комплектом моих потенциалов и особенностей. Дал мне телесную оболочку, дал мне душу и, закончив труд свой, сказал:

– Иди туда, куда Я укажу тебе. Неси свою миссию, которую Я даю тебе, и работай над ней, шагая вперёд во времени и пространстве. Для этого ты и создана. И ты, и миссия твоя уникальны и потому важны. Иди в жизнь! Иди!

Фактически это сказано каждому из нас. Но в чём заключается миссия? И при чём здесь уникальность?

Слово *уникальность* трактуется здесь не в смысле *лучше меня нет*, а в смысле *я – это я и только я*. Как отпечатки пальцев. И, если приложить понимание *уникальности* к моей миссии, то это означает, что данный объём ответственностей существует только для моей деятельности и ничьей больше.

Мы не вечны. Так пусть же моя генеалогическая ниточка тянется долго-долго и пусть вся семья знает, как еврейство пришло в наш дом, и какое чудо было сотворено для нас всех Вс-вышним, подарившим нам этот редкий дар судьбы. Пусть знает и то, каким образом Он, Вс-могущий, это чудо сотворил, благополучно проведя меня по разным путаным чуждым закоулкам, объясняя ситуациями тёмные и светлые стороны жизни. Он, Вс-вышний, сохранил меня для лучших времён и для моей миссии. Ведь без того, что здесь написано, могло не быть сегодняшней меня, моих дорогих дочерей и внуков. На их месте могли оказаться незнакомые и очень другие люди. Даже страшно об этом подумать!

Как известно, мы все приходим из детства. Моя история началась очень давно и очень далеко. В другой среде, в другой стране, в другой культуре и общественном укладе. Масса людей в СССР растеряла своё еврейство при том строе, не сумев понять сути своего уникального наследия. А нашей семье повезло: мы выплыли, мы осознали, мы попали в благоприятные условия, чтобы прорасти, расцвести и воспользоваться еврейской мудростью. И дай, Б-же, всем нам силы крепнуть день ото дня, питаюсь духовно из этого вечно живого источника.

В книге две части. В первой разворачиваются события до нашей эмиграции из СССР, где, начиная с детства, мои глаза только начали замечать существование и присутствие рядом

---

³ Отрывок из утренней молитвы.

еврейских проявлений, и мои первые размышления на эту тему. Постепенно вы поймёте, как ситуациями Всевышний углубляет моё видение вопроса и доводит его до осознания сердцем.

Во второй части – наши первые шаги жизни вне СССР. Здесь вы найдёте повествование о том, как еврейский образ жизни постепенно входит в наш дом, к каким результатам приходит моя семья и лично я. Опять-таки, затейливо переплетёнными ситуациями и встреченными по жизни людьми, Вс-вышний расцветивает для нас мир вокруг, наполняя его новым, более насыщенным и глубоким смыслом.

Название книги *Субботней халы аромат* – звучит романтично, но это философски серьёзное понятие, связанное с Б-жым заветом отделения порции теста при хлебной выпечке. Отделение – как умение оторвать от себя. Во имя идеи. Отделение – как умение ДАВАТЬ, в отличие от БРАТЬ. Хала – как символ сытости, наполненности, физической и духовной. Хала – как центр Субботнего еврейского стола. Хала – как присутствие в нашем бренном мире святости. Хала, на которую мы омываем руки и произносим особое благословение.

По линии моего отца мы, дети, унаследовали интересную фамилию Сало. Возможно, что пришла она из глубокого исторического прошлого, времён Запорожской Сечи и Богдана Хмельницкого⁴, когда люди пользовались только именами и прозвищами. В один прекрасный момент, когда одних имён да прозвищ вдруг стало не хватать, стали появляться фамилии, которые часто происходили от имён отцов⁵, профессий⁶, прозвищ⁷, мест рождения или проживания⁸. Именно поэтому среди них было много смешных и самых вроде бы нелепо звучащих фамилий.

Существует и вторая версия происхождения фамилии Сало.

Кстати, обе версии не являются документально подкреплёнными. Мы можем лишь догадываться, что и как могло произойти на самом деле, приложив к догадкам общеизвестные исторические факты. Однако в старом семейном архиве сохранилось свидетельство о рождении моего прадеда, датированное 1869 годом. И в этом документе отчества родителей новорожденного напоминают еврейские имена. Мать – Евдокия *Яковлевна*, отец – Пётр *Наумович*. При интересной фамилии *Сало*.

Середина XIX столетия – время царизма, время плотно внедрённого государственного антисемитизма в России. Евреи, заточённые в *черту оседлости*, не имея права жить за этой чертой и стараясь выжить при жестоких погромах, часто давали детям русские имена и изменяли до неузнаваемости свои фамилии. Подменяя букву-другую, укорачивая или удлиняя, они скрывали еврейскую принадлежность, выдавая свои фамилии за украинские или русские. Причём многое держали в секрете даже от собственных детей. Возможно, что еврейская фамилия Саломон, популярная в еврейской среде и по сей день, могла быть укорочена исчезновением последнего слога – *мон*. Оставшаяся часть – *Сало* – из-за своего колоритно украинского звучания могла стать надёжным средством спасения семьи в самых страшных антисемитских условиях⁹.

Что не говори, здесь не обошлось без хитроумностей Вс-вышнего, давшего мне при рождении именно такую фамилию, от которой начался отсчёт моей сути. Все школьные и юношеские годы меня преследовали насмешки, которые болезненно терзали мою душу. Но, с другой стороны, с фамилией Сало было легко шагать по жизни, особенно на Украине. И в училище,

---

⁴ Под предводительством Богдана Хмельницкого были загублены тысячи еврейских жизней.

⁵ Иванов – сын Ивана, Петров – сын Петра...

⁶ Сапожник, Учитель, Меламед, Резник...

⁷ Пшено, Беда, Кривоzub, Рябоконь, Борода, Кисель, Спотыкайло, Синегуб, Усик...

⁸ Москва – Москвин, Умань – Уманьский, Ляды – Лядов, Житомир – Житомирский...

⁹ Откройте интернет: там находится масса примеров как Сало, в качестве фамилий сочетается с еврейскими именами и фамилиями. Неизвестны их истории, но их много: врачей, бизнесменов, адвокатов и т. д.

и в консерваторию меня внесло на руках. Совсем не так, как пришлось Фридманам, Янкелевичам или Рабиновичам.

При окончании консерватории я перешла на мамину фамилию Ковальская. Мама выросла сиротой и своей родословной не знала. А между тем её фамилия так или иначе пришла из Польши и популярна там по сей день. Во второй половине 18-го века русская императрица Екатерина II позволила польским евреям селиться в местечках на Украине, куда, спасаясь от польского антисемитизма, евреи хлынули массовым исходом. А в Житомирской и Уманьской областях, где было очень много евреев, и родилась наша Мама. Её, младшую из 6 детей, вырастила бабушка, которая однажды рассказала маме, что в Польше у них был маленький кошёрный ресторанчик. Никто не придавал этой информации должного внимания, так как дети слова «*кошёрный*» не знали. Имена маминых братьев, которые я помню – Марк и Адам – могли быть отголосками чего-то польско-еврейского. Кто знает теперь, что было в действительности? Остаётся лишь гадать о глубинных корнях и истоках наших родителей.

Когда же я вышла замуж, Вс-вышний, как дар, как ещё незаработанную награду, дал мне фамилию с именем Мошияха, вкрапленного в фамилию Бимбад¹⁰.

Мы с мужем долго не знали значения нашей семейной фамилии. Понадобилась жизнь, чтобы расставить все хитросплетения ХаШема¹¹ с фамилией на свои места. Через годы после моего замужества наши подросшие дочери, учась в Нью-Йорке и Израиле, прислали нам интересную информацию о значении фамилии Бимбад. В 1971 году этой фамилией ХаШем как бы дал мне заранее энное количество лет на разбег, на рост в иудаизме, чтобы, наконец, довести меня до окончательного осознания себя тем, что я есть сегодня.

Уже написан ряд хороших книг о том, как евреи по рождению оказывались в далёких от еврейства ситуациях, каков был путь возврата и какой ценой. Книга Товы Мордехай *Playing With Fire* глубоко взволновала меня. *Прыжок через пропасть* Кармелы Райз – повесть о евреях-отказниках, героически боровшихся за своё право быть евреями и не менее героически вырвавшихся из советского плена. Из книг о герах¹² я знаю только одну – *Бамбуковая Колыбель*, написанную еврейским отцом Авраамом Шварцбаумом о своей приёмной китайской дочери, искренне и сознательно ставшей еврейкой в день своей батмицвы.

Мне не известно, пишут ли люди откровения о своём приходе в иудаизм. Скорее всего, что нет. Многие держат этот факт своей биографии в большом секрете. Возможно потому, что объяснять себя очень сложно, часто из нежелания впустить посторонний взгляд в свою личную жизнь.

Но тут возникает вопрос: зачем это нужно было мне? Зачем приподнимать мою личную завесу, раскрывать и объяснять секреты своего внутреннего мира? Ответ прост: человек нашёл жемчужину и зажал её в руке от постороннего глаза. Как долго он может прожить, держа свою драгоценность в кулаке, заботясь о секретности? Какая ему радость от этого сокрытия? Другое дело, когда он разожмёт кулак и в восторге протянет раскрытую ладонь миру, говоря:

– Смотрите! Какая красота и совершенство! Её создал Творец.

Во-первых, это важно для тех, кто хочет, очень хочет, но не решается переступить черту. Это – своеобразный, смелый шаг. Это – обогащение себя глубинной объективной мудростью, необходимой для праведности поступков.

Во-вторых, переход в иудаизм – это формирование своей внутренней системы ценностей, которые важно передать детям с целью помочь им не просто избежать, а суметь противопоставить себя вседозволенности, характерной сегодняшнему миру. Это средство связи поколений,

---

¹⁰ В переводе с иврита Бимбад – это аббревиатура фразы «Пусть скорее придёт Мошиях, сын Давида». Фамилия Бимбад часто встречается в Москве, откуда был родом и отец моего супруга.

¹¹ ХаШем – одно из названий Б-га. Шем – имя (иврит).

¹² Гер – нееврей по рождению, сделавший свой выбор стать евреем.

становление детей на плечи отцов для большей дальновидной устремлённости и функционального роста на пути вперёд. Написание книги – это разговор с собой, это способ продумывания деталей, это оценка своих мыслей и поступков, анализ того, что часто проходит незамеченным мимо. Это и есть моя жемчужина, которая, надеюсь, вдохновит кого-то, придаст силы, разбудит поиск, подтолкнёт к знанию и, возможно, этим хоть немного изменит к лучшему мир.

Ну что ж! Не пишут геры книг О СЕБЕ. Да уж так тому и быть! А тем не менее, приход к еврейству через смысл, через идею не нов. И каждый гер – свидетельство необычности, стоящей на уровне чуда.

В отличие от евреев по рождению, геры приходят к еврейству **не по крови, а через приобретённое знание**, которое нашло отклик в их душе и дошло до сердца. Они нашли его настолько близким и естественным для себя, что решили добровольно принять на себя его устои. Точно так же, как во времена Авраама Авину¹³, когда бывшие идолопоклонники, ещё не евреи, но согласные с его идеологией люди, шли за ним, превращаясь в единомышленников. Как видим, так всё начиналось у своего раннего истока. Будущих евреев сближала **идеологическая связь**. Кровная связь появилась через сотню лет, при рождении Ицхака, затем от Ицхака к его сыну Якову и затем от Якова к его двенадцати сыновьям, что в будущем привело к рождению *еврейского народа* у горы Синай, когда нам была дана Тора.

Следовательно, в природе есть такой феномен, когда нееврей, имеющий склонность к еврейскому мышлению, чувствует необходимость им стать, искренне впуская еврейскую идеологию и образ жизни внутрь своей сути, сделав её необратимым процессом. Позвольте мне опять воскликнуть:

– Это ли не чудо?! Кто автор этой ювелирной внутренней работы внутри человеческого сознания, если не сам Творец?! Человеку это не подвластно. Он сам – сотворённое создание. И физически, и духовно. Духовные и мыслительные особенности каждого человека лепятся *custom made* самим Создателем. Развивать свои способности, то есть совершенствоваться духовно человек может и должен сам. Поскольку при рождении ему Свыше был дан разум, как инструмент мышления. Вдумайтесь в это! Это очень сложно и очень интересно.

Я глубоко уважаю всех, кто, сделав этот шаг, живёт по принципам Торы. Наш лидер, Любавический Ребе Менахем Мендл Шнеерсон, очень тепло и с глубоким уважением относился к герам. По его мнению, гер – это затерявшаяся еврейская душа, родившаяся у нееврейских родителей. В ней есть еврейский потенциал, который постепенно обнаруживает себя под воздействием жизненных ситуаций. Рассказам о моих ситуациях посвящены страницы этой книги.

В моём повествовании нет выдуманных персонажей, многим из которых я сохранила имена. Но некоторым из них я всё же имена изменила по вполне понятным личным причинам.

Мне очень дороги героини первой части книги под названием «Советское детство», где рассказывается о собирательных типах детства в СССР. Мне очень хотелось включить в книгу историю Виктории Фёдоровой, которая с 11 месяцев своей маленькой невинной жизни носила клеймо «врага народа». Обрисовка её трагического детства и юности – тема большого самостоятельного повествования. Но это тоже вариант советского «*счастливого*» детства, типичного в СССР. Из всех упомянутых детей счастливым (без кавычек) советское детство было только у меня, родившейся под русско-украинской фамилией Сало в семье военнослужащего, в семье по-советски вполне благополучной. Истории Бореньки и Береле стопроцентно правдивы, так как были услышаны от них самих позже, когда мы все стали взрослыми и сама жизнь представила нас друг другу.

Очень хочу надеяться, что моё повествование будет интересным и полезным людям разных поколений и разных убеждений. Тем, кто покинул развалившийся ныне СССР, многое из

---

¹³ Ав – отец (ивр.) Авину – отец наш.

описанного в первой половине книги окажется знакомым. Но любому любознательному читателю, думаю, будет интересно узнать о повседневной жизни, мышлении и поступках, часто далеких от идеальных, живущих без Б-га людей, на другом, противоположном конце земного шара.

Глава 1. Советское детство

Томочка

Май 1945 года.

Вся страна, устав от ужасов войны и потерь близких, ликовала от близкой победы над гитлеровской Германией. Желанная победа носилась в воздухе и в её честь люди называли словом *Победа* всё, что нуждалось в названии: площади и улицы, бульвары и переулки, парки и скверы, часы и машины.

Победа была официально объявлена 9 мая. Мне же посчастливилось родиться 3 мая, то есть на второй день после взятия Берлина. Мой отец, переполненный своим гражданским и семейным счастьем, на радостях решил назвать новорождённую дочь Победой. Не Викторией, а именно Победой. Слава Б-гу, что в результате мне дали вполне нормальное имя, спасшее меня от будущих насмешек и неприятностей. Иначе я была бы исторической личностью с уникальным на весь Советский Союз именем Победа Николаевна Сало.

Я росла удобным ребёнком. Поэтому из всех вариантов моего имени использовалось только одно, очень ласковое – Томочка, не исчезающее даже в минуту родительской строгости.

Мой отец, морской офицер, главный инженер-кораблестроитель воинской части в городе Хабаровске, приехал на Дальний Восток ещё до начала войны. Под его началом и по его проектам строились шхуны, катера, тяжёлая техника, проводились серьёзные ремонтные работы механики военных судов, что было сложным и ответственным делом. Особенно в годы войны. Там же, в Хабаровске, он встретил нашу Маму, которая работала как акушер-гинеколог в родильном отделении огромного госпиталя, где родились все мы, дети нашей семьи.

Я хорошо помню Хабаровск, всю жизнь мечтая там побывать, вдохнуть его неповторимый воздух и снова увидеть грозный и прекрасный Амур. Помню с раннего детства весенний ледокол. Это грандиозное, волнующее зрелище вздымающихся и наползающих друг на друга ледяных громад, с диким неистовым грохотом трескающегося льда и ревущей движущейся стихии.

Зимний Амур, покрытый толстым, надёжно крепким льдом, всегда был источником снежных радостей детворы. Его холмистые берега превращались в горки для катания на санках. Летишь сначала с горки, потом по плоской равнине заснеженного пляжа и вылетаешь далеко на речной лёд. Чудо! Восторг разгорячённых румяных лиц! Смех и суета! И бесконечное ощущение счастливого беззаботного детства!

В те далёкие времена вся архитектура домов нашего района ограничивалась простыми коробками огромных стандартных домов с коммунальными квартирами, где был единственный на весь этаж туалет. На таком этаже могли проживать десятки семей. Кухня, тоже одна на весь этаж, представляла собой огромную комнату, вдоль стен которой были сколочены длинные стеллажи вместо столов, сделанные из простых щербатых досок. На них каждая хозяйка имела своё место для примуса, ведра с водой и небольшого рабочего места для приготовления пищи.

Как и все дети я, падая, разбивала коленки, наступала на стекла, прыгая босиком под летним тёплым дождём, сваливалась с заборов и деревьев, случалось, что висела на них, зацепившись платьем за ветки, пока кто-нибудь из взрослых не придёт на помощь.

Однажды, пуская мыльные пузыри пустой катушкой от швейных ниток и обычного мыла, я сидела на подоконнике второго этажа, я ела огромный красный помидор. Увлечшись пузырями, я случайно локтем столкнула помидор, лежащий на подоконнике рядом, прямо на проходящего под нашими окнами офицера в белоснежной летней военной форме. Помидор попал прямо в цель: на его белую фуражку, на плечи и спину. Увидев, что натворила, я испугалась и пулей отлетела от окна. Знаю, что родители извинялись за мою оплошность, но меня никто не ругал и не наказывал, понимая мой проступок как детскую оплошность. Никто на свете не вырастал без больших и маленьких глупостей, проступков, случайностей и ошибок.

Стояла холодная дальневосточная зима. Минус 30–40 градусов по Цельсию. Нас, детей младшей группы детского сада УМВД, выпустили во двор на прогулку. Тепло закутанные дети были заняты бегом между огромными выше детского роста сугробами. А мне понадобилось вернуться в дом. Я взошла на деревянное крылечко, сняла варежку и голой ладошкой решила открыть дверь. Холодная дверная ручка вдруг оказалась липкой.

– Интересно, – подумала я, ж почему с варежкой ручка не липнет, а с голой ладошкой липнет?

Я попробовала прикоснуться отдельными пальцами – тоже липнет. Затем решила проверить что будет, если прикоснуться к дверной ручке языком. К моему несчастью, язык за мгновение накрепко прилип и оторвать его от холодного металла было невероятно больно и потому невозможно. Я поняла, что моё положение безнадежно. Слезы беспомощности катились из глаз. Я пробовала кричать и звать кого-то. Но кричать с высунутым языком, да ещё и примёрзшим к дверной ручке, когда каждое движение причиняет боль, было безуспешным. Как долго продолжались мои мучения сказать не могу, но, наконец, меня с моей проблемой заметили дети и позвали взрослых. Нянечка принесла чайник с горячей водой и стала поливать на ручку двери пока она не согрелась и не отпустила мой несчастный язык. Он был изранен, кровил, опух и долго болел, не давая возможности нормально есть и разговаривать. Но... и это прошло. Но не забылось.

Из-за отсутствия горячей воды в домах раз в неделю люди ходили в баню. Попадая туда, мы делились на мальчиков и девочек и расходились кто направо, кто налево. Для меня поход в баню был большим мероприятием с целым рядом разных впечатлений и приятностей. Особенно зимой, когда на улице стоял мороз.

Над входной дверью бани висело смешное объявление, сделанное крупными буквами:
ВХОД В БАНЮ В ПОРЯДКЕ ЖИВОЙ ОЧЕРЕДИ.

– А что такое живая очередь? – спросила я Маму. – А может ли очередь быть мёртвой?

Она засмеялась и объяснила, что имеется ввиду очередь из непосредственно присутствующих здесь людей, притом без предварительной записи и что в реальности мёртвых очередей не бывает.

Лица ожидающих, часами сидящих в прихожей, смотрелись устало и не улыбочиво. Дети, быстро устающие ждать, вертелись на скамейках, сидя со взрослыми в зале ожидания.

Когда, наконец, наша очередь подходила, мы сначала шли в раздевалку с длинным рядом облезлых шкафчиков. А после этого босиком, на цыпочках, перебежали по холодному полу в другое помещение, где, наконец, было тепло, где были установлены широкие каменные скамейки, на которых мылись взрослые и дети. Густой пар хоть как-то скрывал, окутывая, обнажённые тела моющихся.

Женщины брали в углу небольшие тазики, сложенные стопкой, и шли за водой к большому крану, где опять была очередь. Мы стояли в ней, наполняли свои тазики и осторожно, чтобы не поскользнуться на мыльном полу, несли их на своё место и, стоя или сидя на скамейках, мылись в этих тазиках. Шампуней или туалетного мыла тогда ещё не было. Мылись простым мылом, тем самым, что использовалось для стирки белья и посуды. Это мыло остав-

ляло неприятный белый налёт на волосах и расчёске. Ну что было делать? Другого мыла после войны пока не было. Использованную воду выливали на себя или просто на пол и шли в очередь за следующей порцией чистой воды. Этот цикл повторялся несколько раз. Затем, в заключение процесса, разгорячённые паром люди, мокрыми, опять на цыпочках как в балете, протанцовывали по холодному полу свой путь в раздевалку, где в шкафчиках были оставлены сумки с чистым бельём и полотенцами, вытирались, одевались и выходили в прихожую.

А в прихожей по-прежнему сидела очередь усталых и унылых от ожидания людей, мечтающих добраться до цели своего визита, чтобы протанцевать свой балет на цыпочках, пройти обряд омовения и с покрасневшими лицами выйти на мороз. С молчаливой завистью и почтением они смотрели нам вслед, как уже прошедшим свой обряд омовения и достигнувшем желанной цели.

В прихожей мы встречали наших мальчиков, то есть Папу и Борю, и шли в буфет. Там мы пили густой холодный томатный сок, присаливая его крупными булыжниками сероватой соли. До чего же этот сок был хорош! До чего же он был освежающе вкусным! Это было лакомство, которое хотелось тянуть как можно дольше. Не успевая раствориться, крупные куски соли оставались на дне стеклянного стакана. Потому допить крепко пересоленный сок до конца было невозможно.

Домой шли пешком. Мороз покусывал разгорячённые баней щёки. Мама тщательно следила, чтобы нам, детям, было тепло, натягивала шарфики на нос, шерстинки которого быстро белели на морозе от нашего дыхания. Мы шли, а морозный певучий снег щедро сыпался с неба и скрипел под ногами незабываемой музыкой, которую помню по сей день.

Придя домой мы попадали в тёплые кровати и засыпали беспечным сном благополучных детей, не думая и не подозревая, что где-то в стране Советов есть дети, живущие без тепла, без родительской заботы, без тазиков с горячей водой, без томатного сока и даже без лишнего куска хлеба. Невероятно! Но это было. Просто тогда мы ещё не знали об этом.

Летом были другие радости. Амур в те времена был богат рыбой и наша семья, с друзьями или без, переплывала на катере на левый берег Амура, где мужчины ловили рыбу, мамы варили уху, а мы, дети, собирали грибы да дикую малину и резвились под недолго тёплым дальневосточным солнышком. Любое меню на свежем воздухе было восхитительным. Но двойная или тройная уха была центром всей программы. Мы возвращались домой поздно, шли через рой мошкар, скопившейся возле каждого фонаря. А я засыпала по дороге на сильном Папином плече.

По воскресеньям мы всей семьёй ходили на пляж. При тёплой погоде там всегда было многолюдно и весело. Ведёрки, совочки, мячики, пирожки из песка. И настоящие бутерброды с компотом, заботливо приготовленные мамой для голодного семейства Красота!

Однажды родители придремнули на берегу. А я тем временем плескалась в воде с друзьями детьми. Время шло, солнце стало садиться, становилось прохладней. Многих детей уже успели выманить из воды. Меня же пока никто не звал. Стало скучно и я не заметила, как шла, шла и зашла довольно далеко от берега, в глубокое для моего пятилетнего роста место. Я стояла на цыпочках по горло в воде, и наслаждалась спокойным плеском раскачивающей меня воды. Повернувшись к берегу спиной, я любовалась тонущим на горизонте солнцем и мерцающей от него серебряной дорожкой на живой сероватой глади. Из воды торчала только моя головка, погружённая в воду до самого носа. Я ничего не слышала и ничего не видела кроме заката и красоты Амурской волны.

Повернувшись лицом к берегу, я вдруг очнулась. Вернулись зрение и слух. Я увидела своих родителей, мечущихся по берегу и зовущих:

– Тоо-мооч-каа! Тоооооо-мочка!

Я ещё немножко постояла, думая про себя:

– И чего это они так кричат? Я же здесь. Я же никуда не уйду и сейчас выйду.

Спокойно, не спеша я направилась к берегу. Вокруг меня всё ещё резвились взрослые отдыхающие. Но моя головка была незаметной с берега в их окружении. Бегают Папа, бегают Мама и Боря, ещё кто-то бегают. Мне, глупышке, эта суэта показалась смешной и я, по-прежнему не отвечая на их зов, не спеша направилась к берегу.

Как оказалось, меня искали давно. Но когда я вдруг появилась на берегу, на меня набросились с объятиями и поцелуями. Как-будто я вернулась с того света или из далёкого опасного путешествия. Никто на меня не сердился, лишь Мама тихонько сказала:

– Пойми, Томочка. Ты уже большая девочка, но пока маленького роста и поэтому тебя трудно увидеть в толпе. Никогда не уходи далеко, не предупредив взрослых. Мы любим тебя и потому волнуемся. Понимаешь?

Я кивнула в знак согласия.

В послевоенные годы, когда страна залечивала свои раны, людям трудно было накормить, обуть-одеть своих детей. Но в нашем доме, как в семье военнослужащего, было всё необходимое: и сахар, и масло, и яйца, и рыба, красная и черная икра и даже шоколад и сладости. В те времена икры, как и рыбы, на Дальнем Востоке было очень много, больше чем мяса или кур, и она не являлась таким уж лакомым дефицитом, как в наши дни.

А когда Мама и Папа ходили зимой на базар, они приносили домой чудо, невиданное мною больше нигде и никогда. Этим чудом было молоко... прямо в сетке для покупок. Молоко приносили домой замороженным и продавали его на вес, а не на литры. Хозяйка молока, готовясь везти его на базар, заливала молоко в кастрюли разных размеров и выставляла их на мороз, где оно превращалось в молочный лёд.

Однажды в морозный день я видела на базаре, находившемся под открытым небом, большую, красиво выставленную на прилавке пирамиду из молочного льда. До чего же вкусно было отгрызать кусочки молочных льдинок прямо через сетку, в которой несли покупки! Это было наше зимнее мороженое, наша детская радость. Дома эти молочные круги выставляли за окно в специально приделанные ящики для хранения продуктов, так как холодильников пока ещё не было. Когда было нужно, от молочных глыб откалывали нужного размера куски и растапливали перед употреблением.

Послевоенная промышленность с трудом вставала из руин, фабрики и заводы постепенно восстанавливались и было трудно с одеждой. Наша изобретательная Мама была большой мастерицей шить да перешивать с одного из нас на другого, украшая Борины трусики-шорты красными генеральскими лампасами, а мои платица затейливыми кружевами и вышивками своей работы.

Наш диван и стулья были покрыты чехлами Маминой работы, которые к праздникам стирались и наглаживались. На каждой книжной полке лежали треугольничком салфетки с вышивкой и мережками. Скатерти, занавески и постельные принадлежности тоже были самодельными. Маминой изобретательности не было конца, когда она мастерила мне разнообразные костюмы для утренников в детском саду. Я была Снежинкой, Осенью, Украинкой, Снегурочкой. Она умело мастерила и ёлочные игрушки, которых после войны в продаже было очень мало. Я до сих пор храню сделанные её рукой клубнички и грибочки.

Детский сад КГБ¹⁴ и УМВД¹⁵ был первой ступенью в моём «образовании». Он находился через забор от нашего дома. Я одна бегала туда по утрам. Там был весёлый круг друзей, было много игрушек, музыки, песен, стихов, утренников, праздников. Детсад занимал огромную

---

¹⁴ Комитет Государственной Безопасности.

¹⁵ Управление Министерства Внутренних Дел.

территорию, где летом под музыку проводили зарядку, где загорали гольшом, пока позволяло скупое дальневосточное солнышко. Пока было тепло, на больших верандах размещали летние столовые. А зимой сметали обильный снег в огромные сугробы, и кто-то мастерски вырезал из них персонажи русских сказок. Ставили снежных баб, украшенных ожерельями из цветных льдинок, с морковками вместо носа. Все группы детского сада делали кругленькие цветные льдинки в консервных банках из подкрашенной воды, замёрзшей на морозе. Из них делались длинные нарядные гирлянды от дерева к дереву. До чего же сказочно выглядел с ними наш заснеженный белизной двор! Классика, чудо зимней идиллии!

А в одноэтажных зданиях было тепло и уютно. Каждая группа, младшая, средняя и старшая, имели свои отдельные постройки, где размещались игровые комнаты, столовые и спальни со стационарными кроватками для дневного сна. Нас учили аккуратно застилать свои постельки. Это было детской обязанностью.

Стены были украшены вырезанными из бумаги солдатиками, танками, флажками, самолётиками и парашютистами. Нас учили тому, как сильна и могущественна наша советская армия, как важно любить и защищать свою Родину. Поэтому, играя во дворе, все были героями-защитниками, стреляли палками, как ружьями, спасали раненых, тащили друг друга на себе с поля боя, ходили в разведку, совершая подвиги один за другим.

В каждой комнате, даже у самых маленьких, висели портреты Ленина и Сталина. Дети с раннего возраста должны были усвоить и твёрдо знать, что товарищ Сталин живёт далеко в Москве и много, не щадя себя, работает над тем, чтобы мы ВСЕ, повторяю – ВСЕ, дети нашей необъятной Родины, были счастливы и могли бы спать спокойно. Он должен был быть в наших умах и сердцах единственным источником детского благополучия и счастья для абсолютно каждого из нас. Если бы не он, то тогда просто некому было бы о нас заботиться. Даже родители попадали на второй план. Это был практически задуманный, продиктованный государственной программой образования воспитательный проект. Помню, я с искренним теплом пела в хоре и дома свою любимую песню:

*Если к нам приедет Сталин
Ясным утром золотым,
Как встречать его мы станем,
Как навстречу побежим!*

С мыслью о возможном приезде Сталина я ложилась и вставала. И однажды спросила Маму:

– А вот если к нам приедет Сталин, куда же мы его спать положим?

На что Мама ответила:

– Что значит, куда? В твою кроватку, конечно.

Я не возражала. И даже не сообразила, что Сталин взрослый и большой, что он не поместится в моей кроватке. Но всё-таки поинтересовалась:

– А где же я тогда буду спать?

На что Мама, скрывая улыбку ответила:

– Как где? Под кроваткой, конечно.

Я задумалась, но из-за уважения к Сталину против такого варианта возражать не стала. Ждала я Сталина, ждала, а он так и не приехал.

Весь педагогический состав детского сада собирался на педсоветы, обсуждая как прививать идеи патриотизма и любви к своей Родине. Создавались планы, писались отчёты о проведённой работе по вкладыванию в наши юные головки идей страны социализма.

Советские писатели, поэты и композиторы сочиняли море талантливых детских книг, песен и стихотворений. Мы, дети, с уже привитой нам радостью откликались на вложенный в них патриотический смысл, воспринимаемый нами с должной естественностью. Но, забегая на три десятилетия вперед, когда из пятилетних детей получились умеющие трезво мыслить взрослые, стоявшие на грани отъезда из СССР, у многих возник ряд вопросов, касающихся взаимоотношений личности и государства.

– Да, мы любим нашу Родину, – мог сказать каждый. – Мы выросли с этой любовью в наших сердцах. Да, нам больно её покидать. Но... любит ли она нас в ответ? Почему у нас столько трудностей на каждом шагу?..

Нам промывали мозги лозунгами, за которыми практически стояла пустая патриотическая болтовня. Нас заставляли верить в то, что шло вразрез с нашими убеждениями, держа в узде наши мысли и поступки, контролируя нашу личную жизнь. Мы всегда были готовы на любой подвиг во имя Родины. Но любит ли она нас с такой же преданностью? Почему каждым поворотом жизни наша Родина демонстрирует нам безучастие и холод к нашим судьбам?

Само выражение *дедушка Ленин* звучало тепло и ласково и приучило советских малышей всегда видеть и чувствовать его дедушкой всех детей страны Советов. Советские художники, рисуя его портрет, добавляли к ленинской улыбке две-три симпатичные морщинки возле глаз, придавая изображению тёплый, приветливый характер. И детские сердца доверчиво тянулись к своему всероссийскому дедушке и верили тем, кто прививал, а, точнее, программировал в нас эту любовь.

Нормальным проявлением патриотизма было украшать свои жилища портретами Ленина и Сталина. Поколениями советские люди были воспитаны на искренней личной привязанности к своим вождям. Такие же застеклённые Ленин и Сталин с почётом висели у нас дома и в Хабаровске, и в Баку, и в Одессе.

Каждый год первого сентября наступал новый школьный учебный год. Это был всенародный праздник, когда с разных сторон стекались в школу дети с цветами в руках. Вот пришло и моё время шагать в парадной форме, с огромным, торжественно торчащим белым бантом, с цветами и новеньким портфелем. А параллельно с началом школы начались мои уроки игры на скрипке в музыкальной школе, куда меня три-четыре раза в неделю водили мои родители. Но маленькая певунья скрипочка – изумительный Б-жественный инструмент – не стал моим из-за бестактности моего преподавателя. Меня обижал пренебрежительный жест его руки, хлопающий меня по животу со словами «Спрячь пузо!».

В ноябре 1951 года, ещё в Хабаровске, у нас в семье родилась маленькая девочка. Туго завернутая в свои пелёночки, она напоминала крошечный кокон, из которого постепенно вылупилась очень интересная личность по имени Наташенька. В ней всегда было много любопытствующей бесстрашной энергии. То она сидела на подоконнике третьего этажа, свесив ножки вниз. То, как обезьянка, лазила по балкончикам резного буфета немецкой работы, мечтая поспать в спокойной недосыгаемости за красивой деревянной короной под самым потолком. То однажды влезла под потолок на сваленные в кучу стулья в Доме Учёных, где никто не мог её достать. Она хохотала над всеми попытками взрослых добраться до неё. Помогла плитка шоколада, обещанная маленькой шкоднице в качестве награды. Когда мама водила меня в музыкальную школу, и мы не могли взять Наташеньку с нами, мама запирала её дома на ключ, что было нормальной практикой в те времена. К нашему приходу она развлекала себя, перемешивая манку с гречкой, рис с мукой, хранившиеся в буфете. Мы заставляли дома результаты её экспериментов.

Работа военнослужащих была часто сопряжена с частыми и далёкими переездами. И в 1952 году наша семья переезжает из Хабаровска в столицу Азербайджана. Хабаровск – Баку, поездом – длинная, около месяца, дорога. Заботливая Мама взяла в дорогу игрушки, любимые книжки и настольные игры. Семилетняя, я знала много стихов наизусть, и Мама сверкала от гордости, когда я часами развлекала соседей по купе, вычитывая наизусть весь свой советский детский репертуар. Папа тоже любил возиться с нами, но с Борей у них были особые отношения. Они всё время что-то строили, мастерили, и неудивительно, что в результате Боря пошёл по Папиным стопам, став инженером-кораблестроителем.

Итак, мы в Баку. Нас разместили в самом центре города, на улице Шаумяна, в общежитии для семей военнослужащих. Это был огромный многоэтажный дом МВД¹⁶, занимающий целый квартал, со спортивными площадками для детей и взрослых.

Там было много зелени, беседок, скамеек и столов, что привлекало народ. Старушки обменивались рецептами блюд и новостями, толковали о болячках и гениальности своих внуков. Старички сражались в домино и шахматы. В беседках девочки играли в дочки-матери, мальчишки гоняли на велосипедах. Дворы нашего детства – особая глава в жизни каждого.

В Баку был огромный военный порт на Каспийском море, и мой отец был послан туда для инженерных работ на военно-морских судах. Мама больше не работала, занимаясь семьёй.

Однако бегать по дворам мне пришлось недолго. Благодаря брату родители купили пианино. Он много раз бегал в магазин музыкальных инструментов занимать очередь на его покупку, но всё время опаздывал, прибегая десятым, двенадцатым или пятнадцатым. Но однажды нам повезло, и Боря оказался в очереди третьим. К нему примчался Папа и нам, наконец, досталось чёрное высокое пианино, дефицит и гордость отечественного производства. Их обычно привозили в магазин не больше пяти-шести штук. В результате успешной покупки меня наконец определили в музыкальную школу при клубе МВД по классу фортепиано.

Школы по всей стране делились тогда на мужские и женские. В моём классе был самый настоящий национальный коктейль. В нём учились, беленькие русские, смугленькие и даже очень смугленькие девочки – армянки, грузинки, азербайджанки.

Годы шли, я выросла. Но детские эксперименты ещё не закончились. Дорога в школу была довольно долгой. По улице, по которой я шла, были проложены трамвайные рельсы и большие красные трамваи проезжали в обоих направлениях. Мне было интересно, что будет, если положить на рельсы камушек. Потом я положила копеечку, затем гвоздик, кусочек яблока, карандаш и каждый раз я с восторгом ждала результата. А однажды мне стало интересно, что будет с Маминой косынкой? Я сняла её с себя и подложила на рельсы уголок.

Когда я пришла домой, и Мама увидела испорченный платок, она, ничего не сказав, просто горько заплакала. Как оказалось, она «достала»¹⁷ этот платок с большим трудом. Таких больше нет и не будет. Тоненький, крепдешиновый, он был тёмно-синего цвета в беленький мелкий горошек. Моя любящая, заботливая Мама не пожалела и надела на семилетнюю глупышку ценную для себя вещь. Расстроенная, вся в слезах, Мама села на диван и дрожащими губами сказала:

– Лучше бы ты, доченька, платок этот совсем уничтожила. Как его теперь носить? Где, спрашивается, я возьму другой?

Видя её горькую реакцию, и покотившиеся по щекам слёзы, я, булькая своими слезами и текущим носом, сказала:

---

¹⁶ Министерство Внутренних Дел.

¹⁷ «Достать» – специфический термин жизни в СССР. Он использовался везде и всегда, означая трудность на грани невозможного что-либо купить.

– Мамочка, миленькая, не плачь. Я больше так не буду. Я его в следующий раз совсем уничтожу. Честное слово! – и, испугавшись собственных слов, заплакала ещё пуще на её всепрощающем плече.

Однажды Папа принёс домой зарплату, оставил всю стопку разных денежных купюр на столе и куда-то ушёл. Убрать эти деньги на положенное место Мама ещё не успела, и вся стопка аккуратно лежала там, где её оставил Папа. Мои глаза, увидев высокую пачку денег, вдруг неожиданно заставили активно заработать мои лёгкие на затеи мозги и быстренько сообразить, что, если я возьму всего одну бумажку, всего три рубля, этого явно никто и не заметит. Зато я смогу купить себе на них свои маленькие радости, на которые нам, детям, денег обычно не давали. Предел моей фантазии быстро обрисовался в моём воображении яркими красками:

– Один рубль я потрачу на стакан семечек, который продаёт на углу какая-то бабуля, и два рубля я потрачу на любимое мороженое – эскимо в шоколаде.

Голова быстренько всё обдумала, план созрел, рука потянулась, и трёшка, лежащая сверху, уютно улеглась, как родная, в карманчике моего школьного передника.

– Да, но ведь денежка случайно может выпасть из кармана, – промелькнула грешная мысль.

– А я буду руку всё время держать в кармане, – подсказал решение проблемы мой второй внутренний голос.

Через пять минут я уже не была уверена, что безвылазно сидящая в кармане рука – достаточно хорошая идея. Она определённо вызовет опасные подозрения. А вдруг Мама спросит, отчего моя рука не вылезает из кармана, и попросит, чтобы я показала ей, что у меня там лежит. Ужас охватил мою грешную душу, теребя маленькую, ещё непуганую совесть.

– Всё, – тревожно заговорил червячок, сидящий внутри меня. – Я попалась... Лучше как-нибудь вынести мою трёшку из дома и спрятать её до завтра... Например, в лифте... Лишь бы подальше от подозрений...

Я вышла в парадную и направилась к лифту. Но, пока лифт катился вниз, мне уже стало понятно, что лифт – плохая идея. Там слишком светло. Кто-то другой непременно найдёт моё сокровище, и мои удовольствия так и не состоятся. Стоило ли так рисковать в пользу кого-то?

– Но, – подсказал мне кто-то очень умный, живущий в моей голове, – можно спрятать мою драгоценность в тёмном месте под лестницей возле лифта.

И, наконец, попав туда, я боялась пошелохнуться и дышать, чтобы меня никто не услышал. Мне было жутко подумать, что кто-то заметит меня под этой лестницей и этот кто-то встретит Маму.

– Вы не видели мою Томочку? – спросит Мама.

И этот некто ответит:

– Да, видел. Только что. Под лестницей.

И Мама пойдёт под лестницу, увидит меня там и спросит:

– А что ты здесь, Томочка, делаешь?

Я не смогу врать, извиваться и тут же на месте умру от позора.

Как-то я всё-таки выскочила из-под лестницы, спрятав тоненькую трубочку из трёхрублевой бумажки в самый тёмный грязный угол, и побежала домой, надеясь, что все мои усилия не пропадут даром.

На следующее утро перед школой я совершила героический подвиг, слетав под лестницу за моей вожаделенной трёшкой. Страх быть увиденной и разоблачённой в содеянном сдавливал мне сердце и мешал дышать.

Часы, проведённые в школе, немного расслабили моё напряжение. А после уроков я отправилась за своими удовольствиями. Ура!!! Я купила семечки у той бабули за углом, засушила весь кулёк из газеты в карман и отправилась за эскимо в шоколаде.

Когда же я, развернув бумажную обертку, наконец, вкусила любимое мороженое, я вдруг ощутила странную тревогу. Эскимо показалось мне малоинтересным. Я отковырнула и съела шоколад, подлизала тающие подтёки со всех сторон, но... что-то внутри меня мешало сладкому счастью. Вернее, именно счастья я и не испытывала.

В голове опять заныли и запрыгали страшные мысли: «А вдруг кто-то из соседей увидит меня и, между прочим, скажет Маме, что, мол, только что видел вашу Томочку, идущей по улице с мороженым в руках. О, ужас! Мои терзания совести продолжались. Приду я домой, и Мама вдруг спросит:

– А где же ты, доченька, взяла деньги на мороженое?

И что я, спрашивается, ей скажу?!

Страх разоблачения загнал меня в какой-то чужой двор, где я, найдя укромный уголок, повернувшись лицом к стене, быстро, давясь, запихнула в себя оставшееся мороженое. Затем надо было справиться со второй задачей, с семечками. А это уже было посложнее, так как семечек был целый стакан, их надо было поскорее перещёлкать. И куда, спрашивается, девать шелуху? Не могу же я усыпать шелухой свой укромный уголок, где в настоящий момент стою! Увидит кто-то и рассердится на меня. И будет прав.

Не помню сколько времени было потрачено на семечки, и как много мне удалось перещёлкать, но с меня было достаточно. Я вдруг поняла, что страшилки со своей собственной совестью, оказывается, не доставляют никакого удовольствия и даже губят его, причиняя боль где-то внутри. Закапали слёзы, превратились в ручьи. Я поняла, что эту боль я причинила себе сама, что впредь не захочу опять впопыхах давиться мороженым, прячась от прохожих глаз. Радости моя трёшка мне не принесла. Я выбросила остатки семечек в ближайшую урну, отряхнулась от шелухи, вывернула карманы, чтобы убедиться, что в них нет следов моего глупого преступления и побежала домой. Но след от этой истории остался со мной на долгие годы. Это был один из самых сильных уроков, преподанных мне Свыше.

Когда малыш приходит в советскую школу, его со временем награждают первой детской партийностью в виде нагрудного значка с изображением маленького трёхлетнего Ленина. Эта игрушечная, детская партийность называлась – Октябрьёнок, в честь Октябрьской революции 1917 года, когда было покончено с царизмом, расстреляна царская семья и власть перешла к рабочим и крестьянам. Когда ребёнок получает этот значок, его гордому счастью и радости нет конца.

Второй уровень советской детской партийности – пионер. Этот титул требует определённых усилий от вступающего в пионеры. «Пионер – всем ребятам пример», как гласит очередной лозунг, усвоенный мною в школе. Имеется ввиду отличное поведение, учебные успехи, осознание роли наших вождей Ленина и Сталина и беззаветная любовь к своей Родине.

Третий уровень – это уже юношеская партийность – член ВЛКСМ¹⁸, что тоже рассматривается как обязательная норма для всех юношей и девушек. Если кто-то не захочет вступить в комсомольские ряды, его считают неблагонадёжным членом общества. С ним отдельно работают, то есть объясняют роль ВЛКСМ, а иными словами – убеждают и уговаривают. Но первоначальное нежелание, независимо от того, послушался он или нет, навсегда становится идеологическим пятном на всю жизнь. Об этом пятне помнит комсомольская организация, оно непременно будет упомянуто в письменных характеристиках о данном комсомольце и всегда будет мешать ему жить.

Четвёртый, взрослый уровень – член КПСС¹⁹ – как партийность зрелого члена общества. Если хочешь занять в жизни значительное, возможно, руководящее место, если хочешь сделать

---

¹⁸ Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи.

¹⁹ Коммунистическая Партия Советского Союза.

профессиональную карьеру, если хочешь иметь право на заграничные поездки и привилегии, стань членом КПСС.

Мне было семь лет. Пришло и моё время начинать восхождение по партийной лестнице, быть избранной в пионеры. Процедура вступления всегда проводилась очень торжественно на общешкольной линейке. Из Красного Уголка, специально отведённой школой комнаты, выносились большие красные флаги, портреты наших вождей, и призывные лозунги. Все вступающие в пионерские ряды дети должны были дать клятву сказав: «Перед лицом своих товарищей я торжественно клянусь и обещаю быть верным продолжателем дела Ленина и Сталина...» и так далее.

Серьёзность обстановки подогревалась присутствием директора школы, учителей и учеников разных классов. Старшеклассники-комсомольцы повязывали красные галстуки нам, своим младшим товарищам, вступающим в пионеры. Улыбались все, и взрослые, и дети. Глаза присутствующих светились искренней радостью и счастьем. Это был незабываемый праздник в жизни каждого из нас.

И, как славный венец обряда посвящения, следовал призыв:

– Пионеры, к борьбе за дело Ленина и Сталина, за дело нашей коммунистической партии будьте готовы!

Все пионеры должны были отдать салют и громким хором ответить:

– Всегда готовы!

Что, спрашивается, знает семилетний ребёнок о «деле Ленина и Сталина»? О каком «деле» коммунистической партии идёт речь? Но от этого ребёнка уже требуется клятва верности и готовность вершить эти дела. Без всякого знания и понимания дети всей страны неосознанно проходили через эти партийные ступени, воспринимали приход каждой из них как праздник, искренне ликовали и радовались своему счастью. И при этом верили, что так и должно всё быть, и что это единственно правильный способ понимать себя в коллективе.

Я была полна ощущением того, что теперь я смогу и должна совершать героические подвиги для защиты моей страны от любых врагов. Я сильная и всё смогу! Я шла и, не обращая внимание на прохожих, пела чуть ли не во весь голос песню «Партия – наш рулевой», ноты которой купила мне Мама. Эту гордую маршевую мелодию, написанную советским песенником Ваню Мурадели, я действительно очень любила, видя в ней крепкую энергию и силу. Семилетняя, я распевала её во весь голос дома, маршируя вокруг стола, стоящего посреди комнаты, просто так, для себя. В моём воображении представлялись героические краснознамённые картины и парады. И, приходя в себя от этих видений, я замечала слегка смешливую мамину улыбку и добрые искорки в её глазах, ласково глядящих на меня.

В тот знаменательный день я шла и думала о моих беленьких и смугленьких одноклассниках. Они такие разные, но все, как и я, согреты солнцем нашей великой Родины, как пелось в наших детских советских песнях. Огромный лозунг, висящий над Красным Уголком, ЗА ДЕТСТВО СЧАСТЛИВОЕ НАШЕ СПАСИБО, РОДНАЯ СТРАНА, каждодневно подтверждал право каждого маленького гражданина СССР на безоговорочное счастливое детство и уверенность в завтрашнем дне. Этот лозунг сопровождал меня по всем дошкольным и школьным учреждениям. Я упивалась своим советским счастьем, будучи октябрёнком, пионеркой и комсомолкой, не зная и даже не подозревая, что для многих детей в реальности это был мираж, приносящий боль и разочарования. По разным причинам. И что были семьи с ярлыком *врагов народа*, дети которых хлебнули немало взрослого горя. Были семьи, которые сознательно старались оградить своих детей от советской системы с её искусственно созданной идеологией и дать им совсем другие духовные ценности.

Все истории о детях, рассказанные в этой главе, реальны. Они должны быть поняты читателем как собирательные типичные образцы того, насколько в действительности «счастливым» было детство в бывшем Союзе Советских Социалистических Республик.

Боренька

Начало июля 1941 года. Одесса.

Раннее утро предвещало тёплый светлый день. Голуби воркуют на крыше, весь двор ещё спит.

Тревожный настойчивый стук в дверь за мгновение ока прогнал сладкую сонную дремоту.

– Мадам Бродская! Проснитесь! Мадам Бродская! Дорочка!

Бабушка Рахиль Давидовна бросилась к дверям и загремела цепочкой.

– Кто там? О! Это вы, мадам Фанштейн? Сейчас... Минуточку... Входите пожалуйста. Что случилось? – спросила она, впуская раннюю гостью.

– Мадам Бродская, вы же знаете, мой зять служит в пожарной конторе. Как для семьи пожарника, к нам где-то через час-полтора пришлют машину уехать с Одессы подальше. Немцы ведь совсем близко. Вот-вот будут здесь. Нам всем надо бежать, вы знаете почему. Едемте с нами, мы скажем, что мы все – одна семья.

– А вдруг нам не поверят? Что тогда?

– Поверят-не поверят... Собирайтесь! Нас ведь только двое, я да Евочка. Скажем, что мы все одна семья. Берите самое необходимое, документы, вещи для Бореньки, тёплое что-нибудь. Вы сами знаете. Только скорее... Всё! Собирайтесь!.. У нас час времени... Всё, убегаю... Пока, пока, пока...

Мадам Фанштейн и мадам Бродская жили дверь в дверь с незапамятных времён и по старой привычке называли друг друга неизменным титулом «мадам». Они прекрасно знали имена, но иначе не общались. Не понимали иначе. В этом выражалось их взаимное уважение в ключе старых духовных ценностей и хороших манер. Мадам Бродская была полненькая, с активно редющей кудрявой рыжей головой. Мадам Фанштейн была посуше и казалась маленькой рядом с ней. За много лет жизни рядом их семьи почти сроднились и делили все беды пополам. С юности дружили между собой и их девочки, Дорочка и Ева. Они обе были замужем, и Боренька, рыженький, как бабушка и мама, был первым представителем третьего, самого юного поколения в их семьях.

Пришла беда, началась война. Мужчины обеих семей, кроме дедушки Ефима Абрамовича, были призваны на фронт. Правда муж Доры, Тимофей (Товье) Бимбад, ещё до рождения Бореньки начал учёбу в Москве в Лётной академии. Он ушёл на фронт прямо с институтской скамьи, не успев повидаться с семьёй и не увидев ни разу маленького сына. В первые дни войны их, молоденьких недоученных курсантов, посадили в самолёты и послали защищать родное небо. Он был одним из тех, кто погиб в эти первые дни, «пал смертью храбрых или пропал без вести», как было сказано в полученной похоронке.

Немцы успешно врубались вглубь Украины и люди, кто как мог, пытались обезопасить себя, покидая город. Эвакуация еврейского населения Одессы шла полным ходом. Уезжали все, кто только мог. А те, кто не мог по любым причинам, ворочаясь, не спали ночами, одни – надеясь на немецкую порядочность, другие – неизвестно на что. Бродские не испытывали иллюзий и, понимая ситуацию, были благодарны судьбе за возможность уехать вместе с близкими им Фанштейнами. Их было четверо: мадам Бродская, то есть Рахиль Давидовна с мужем Ефимом Абрамовичем и их дочь Дора с маленьким полуторегодовалым Боренькой.

Ни Бродские, ни Фанштейны не знали, не гадали, куда они едут. Ясно было одно: надо покинуть родной город, бежать любой ценой, подальше вглубь страны, на восток. Пусть даже в неизвестность, пусть на долгие лишения, но подальше от кровавых трагедий.

Бабушка разбудила всех и сообщила о неожиданном предложении мадам Фанштейн. Решение пришлось принимать очень быстро. Час незаметно пролетел в срочных сборах. В рас-

стеленные на полу простыни скидывали всё самое необходимое, связывая в узлы. Собрали еды на дорогу, одели и накормили Бореньку, присели на минуту в знак прощания с родным домом. Оглядели все уголки и в последний раз всплакнули, глядя на оставленные на стенах портреты своих дорогих и уже погибших мальчиков: сына Абраши и отца Бореньки, Тимы. Впопыхах не догадались прихватить с собой никаких фотографий. Кто бы мог предположить тогда, что всё то, что было им дорого, будет растоптано злым антисемитским сапогом дворника, ждавшего прихода немцев всей своей ничтожной душой. Как рассказывали Бродским потом, дворник топтал стекло портретов и разорвал в клочки репродукцию могилы праматери Рахели, которую так любила бабушка, названная Рахелью в её честь. Выброшенными в мусор оказались и фотографии. Поэтому Боренька никогда не видел лица своего отца, зная о нём только из рассказов взрослых...

Фанштейны уже стаскивали свои вещи со второго этажа вниз. И чуть только обе семьи собрались вместе возле дворовых ворот, как показался посланный за ними грузовик. В нём уже сидели семьи других пожарников. Никто не поинтересовался родственными отношениями Бродских и Фанштейнов. Никому эта информация не была нужна. Важно было одно: пришла огромная беда, которую никто не мог ещё толком осознать. Беда одна на всех. Любые вопросы казались бы нелепыми. Единственное, что имело значение, было время: скорее, скорее, пока не поздно, надо торопиться и бежать.

Боренька сидел, доверчиво прижавшись к маме, и, наверное, чувствовал, как взволнованно бьётся её сердце, охваченное тревогой неизвестности в предстоящей дороге. Прощайте все, кто пока сладко спит под утреннее воркование голубей!

Прощайте, родные улицы и двор, где столько было хожено и пройдено, где каждый уголок и каждый камень булыжной мостовой был бесконечно дорог!..

Их привезли на какой-то грузовой узел, где было множество товарных вагонов и толпы людей, охваченных отчаянными попытками пробиться в любой вагон, пытались найти островок спасения для своей семьи любой ценой.

Боренька крепко держался, прижавшись к бабушке, обняв её за шею. Дора с отцом тащили все вещи, не спуская глаз с бабушки и Бори. Наконец, покончив с погрузкой в один из вагонов, Бродским вдруг стало ясно, что в толчее посадки они потеряли из виду Фанштейнов. В этом вагоне их не было и заниматься розыском в такой ситуации было невозможно. Расстроенные потерей друзей, с тяжестью в сердце, они и так уже были без сил. Кричали потерявшие друг друга люди, плакали дети, везде были наставлены горы сумок, чемоданов и узлов. Сесть было негде и не на что. Набившиеся в вагон люди стояли вплотную, как в переполненном трамвае.

Наконец двери с лязгом закрылись, и поезд двинулся. Не важно куда, лишь бы на восток, подальше от края могил, которыми уже были усыпаны оккупированные территории. Застучали колёса, потекли часы, слагаемые в длинные дни, а дни – в длинные недели.

Постепенно всё как-то улеглось. Люди разместились, как смогли, определили свои пожитки. Успокоили издёрганных посадкой детей. Наконец у некоторых появилась возможность присесть на чемодан, или прямо на пол. Кто-то всё ещё стоял, держась за стены, за друга друга или безо всякой опоры, будучи зажатым телами других. Передвигаться по вагону было невозможно, да и некуда. Особенно трудно было ночью: куда не ступи, как не повернись, в полнейшей темноте натыкаешься на руки-ноги пытающихся спать людей, сидящих или лежащих под ногами в самых неожиданных позах. Большинство, сгрудившись, спали, или, скорее, дремали, стоя, опираясь друг на друга. Десятки измученных людей вообще не могли спать и просто стояли с закрытыми глазами, погружённые в тяжёлую тревожную дремоту.

Разумеется, туалета там не было, не было даже ведра для срочной необходимости. Да если бы и была какая-то посуда для этих целей, кто бы мог ею воспользоваться? Ведь люди – не скот, они не могут справлять свои надобности на публике. Но естественные потребности ещё никто не отменял, и многие, проходя через муку, едва выдерживали до остановки поезда

где-нибудь в зарослях или посадках, чтобы остановить кошмар воздержания в каком-нибудь укромном месте. Время, выделенное на эти остановки, было коротким и тревожным, так как никогда не знаешь, когда раздастся гудок паровоза, зовущий тебя назад. А если вдруг бомбёжка? Надо бросить свой естественный процесс на любой стадии и изо всех ног бежать назад к своему вагону. И дай Б-г добежать!

В мирное время в таких вагонах перевозили скот, поэтому и пол, и стены были пропитаны тяжёлым запахом навоза, а теперь ещё и человеческих тел, мокрыми детскими штанишками, сохнувшими без стирки. Сотни людей, забыв про гигиену и ароматы, пытались дать отдых затёкшим за день спинам да онемевшим от неподвижности ногам и хоть немного, если это удавалось, отдохнуть сидя или, если повезёт, лёжа. Спали, присев под стенкой вагона, спали, прислонившись спинами друг к другу, ворчали и мирились, вскрикивали от приснившихся кошмаров, спали мёртвым сном под плач детей.

Видя горькую возбуждённость взрослых, дети замыкались в себе, не слезая с рук, отчаянно рыдали и нервничали, с трудом понимая происходившее вокруг. Окон в вагонах не было, если не считать маленькие оконца почти под самым потолком. Их явно не хватало для притока свежего воздуха. Но они были источником хоть какой-то радости для детей, с трудом переносивших однообразие своего тюремного заточения в полумраке вагона. Время от времени родители, стараясь успокоить и развлечь детей, поднимали их к этим оконцам, давая возможность полюбоваться зеленью пробегающих пейзажей.

Маленький Боренька был несказанно счастлив, когда эта радость выпадала и ему. Он не помнил сюжетных подробностей увиденного: уж очень быстро картинки сменяли друг друга. Но и через десятки лет, будучи взрослым, он помнит радующий глаз цвет свежей зелени, солнечный свет и тепло, какой-то мост, бегущие за окном их вагонного заточения.

Время от времени поезд останавливался на каких-то станциях для заправки водой и углём, и беженцы могли выскочить из вагонов по своим делам. В один из таких моментов дедушка Ефим Абрамович побежал вдоль состава и нашёл Фанштейнов. Как оказалось, им удалось разместиться в предпоследнем вагоне, но, возвращаясь назад, и ещё не успев добраться до своего вагона, он услышал тревожный гудок паровоза, кричавший о неожиданном отправлении. Поезд тронулся с места и постепенно набирал скорость, а обессиленный Ефим Абрамович никак не мог добежать до цели. Собрав в кулак остатки сил, он сделал отчаянный рывок и, наконец, сумел зацепиться за последний вагон.

Сообщений между вагонами не было. Бабушка Рахиль Давидовна и Дора не находили себе места, не зная, что и думать, а в голову приходило самое плохое.

– Готеню, Готеню, – причитала со слезами бабушка, – помилуй и помоги. Не дай случиться беде.

К кому ещё, если не к Вс-вышнему, можно было обратиться в такую минуту? Кто вообще мог бы помочь? А поезд, поспешно перестукивая колёсами, неумолимо бежал и бежал прочь от той станции, где потерялся дедушка Ефим Абрамович.

Вдруг раздался страшный скрежет неожиданных тормозов. Многие не удержались на ногах и, хватаясь за воздух, попадали как попало на замусоленный пол вагона.

– Немцы! Воздух! Самолёты! – тревожно прогудел гудок паровоза. Гудел он долго, настойчиво, почти до полной остановки поезда. Двери теплушек с лязгом отворились, и орущая от ужаса толпа ринулась в близлежащие посадки, в заросли всё ещё зелёной, густо посаженной кукурузы.

Непонятно, что было громче – рёв пикирующих самолётов, налетевших на состав, или вопли и крики перепуганных и стонущих людей. Пожалуй, всё перекрывали страшные хлопки взрывов и автоматных очередей, поливающих сверху беззащитных, обезумевших от ужаса стариков, женщин и детей. В момент не стало видно солнца и только что, всего минуту назад,

голубевшего неба. Ключья взлетающей, вспаханной взрывами земли сваливались назад, засыпая головы и тела живых и мёртвых.

Боренька лежал прямо на земле под неловко упавшей на него мамой. Дора прикрыла его собой и никак не могла разжать дрожащие руки, крепко держащие ребёнка. Боренька испугался больше, чем ушибся, вырывался и кричал без остановки, впад в состояние отчаянного перепуга, из которого он никак не мог выйти. Дора боялась отпустить сына, всё держала и держала, прижав к себе его дрожащее тельце.

– Тише, Боренька, тише! Не кричи ты так, не плачь, всё будет хорошо, – говорила она ему.

Дора изо всех сил старалась не дать ребёнку увидеть огонь, взрывы, кровь и ужас на лицах людей. Вдруг рядом она увидела Рахиль Давидовну:

– Мама! Мамочка! Ты как?

Бабушка Рахиль Давидовна вдруг споткнулась, подвернув ногу, и упала. С трудом поднявшись, не выпуская малыша из рук, Дора кинулась к матери, помогая ей подняться на ноги. Раздался гудок паровоза, зовущий всех назад в вагоны.

Цепочка вагонов, как оказалось, стала короче. Где-то ближе к концу состава пылал разбитый от прямого попадания вагон, за которым беспомощно осталось несколько других вагонов, сошедших с повреждённых путей. Люди метались и кричали, звали близких, рыдали и тащили раненых, торопясь к поезду. Многие остались лежать в кукурузе, уже никуда не торопясь. Шок, боль, трагедия утрат, кровь, испуг, выживание под обстрелом, нехватка сил, эмоциональный и физический надрыв – всё смешалось вместе в дьявольский коктейль трагедии. Дымилась земля, дымилась кукуруза, дымился разбитый вагон, стон стоял над землёй, слёзы и пот текли по грязным измученным лицам. Война! Вот она какая, эта война!

Дора с Боренькой влезли в свой вагон, а бабушка Рахиль Давидовна, подвернув ногу, замешкалась у двери медленно тронувшегося поезда. Крепкие руки буквально втащили её в вагон. Среди лиц этих людей она вдруг отчётливо увидела лицо мужа. Не веря своим глазам после только что пережитого ужаса бомбёжки, она вдруг обмякла, ослабела и потеряла сознание.

Подоспевшие люди всё ещё впрыгивали в вагоны на ходу, помогая друг другу. Надо было торопиться, чтобы скрыться в зелёной посадке, пока самолёты, делая новый виток, видимо готовились к следующей атаке. Поредели ряды добежавших до поезда людей, всеобщее горе, ужас и измождённость охватили всех. Прильнув к близким, повзрослевшими стали всхлипывающие дети.

Обнимая жену и дочь, крепко прижимая к себе маленького внука, Ефим Абрамович сказал, что видел Фанштейнов в предпоследнем вагоне, но поговорить с ними не смог. Теперь они потерялись опять, так как их вагон, сошедший с рельс, остался стоять за разбитым вагоном. Спасая уцелевший состав, всех тех, кого ещё можно было укрыть от новой бомбёжки, поезд ушёл без них. Надежда на то, что Иде Исааковне и Еве удалось добежать до других отъезжающих вагонов была очень слабой.

Застучали своим ритмом колёса. Но тяжёлая рана пережитого острой болью вонзилась в сердце каждого. Война! И это было только начало того, что каждому ещё было суждено увидеть, выстрадать, перестрадать, перенести и, дай Б-г, возможно, уцелеть и выжить.

Больше месяца провели Бродские в пути. Они уже сбились со счёта, сколько бомбёжек пришлось им пережить. К счастью, никто из них не потерялся и не отстал. Все были вместе, стойко встречая все тяготы бегущих навстречу бед. Бабушка Рахиль Давидовна всё ещё подхрамывала, молча снося боль при каждом шаге. Боренька часто просыпался и плакал по ночам при каждом сигнальном гудке, при лязгающем звуке вагонных дверей. С наступлением темноты вагон погружался в непроглядный мрак, внушая ужас и перепуг детям и взрослым.

Чем больше продвигался поезд, уходя вглубь страны, тем реже повторялись бомбёжки и тем ближе подходил другой враг – ГОЛОД.

В довоенные времена на всех станциях к поездам подносили большой ассортимент чего-нибудь съедобного: фрукты, овощи, яйца, даже запечённых кур и рыбу, булочки и пирожки домашней выпечки. Были бы только деньги! Купить можно было всё!

Местные жители промежуточных городов и станций знали, что у беженцев в пролетающих мимо поездах не было ни денег, ни вещей для обмена за еду. Но всё равно несли к поездам то, что есть, то, чем могли поделиться. Несколько яблок, несколько картошин, лук, да огурчики с помидорами. Хоть немного, да удавалось продать. А если беженцам не на что было купить или дать в обмен, часто давали им хоть что-нибудь бесплатно. Но еды на станциях становилось всё меньше и меньше. Поэтому, находясь в дороге, взрослые голодали, отдавая всё, что имели, детям. Продукты достать было очень трудно.

Так было и у Бродских. Все оставшиеся крохи они старались приберечь для Бореньки. Дора и бабушка как-то справлялись, старались утолить голод водой. А вот дедушка Ефим Абрамович быстро худел и слабел на глазах. Он не жаловался и молча терпел, убеждая себя, что скоро они приедут в Ташкент и всем станет легче.

– Ташкент – город большой, – думал он. – Возможность найти работу и способ выжить непременно подвернутся. Вот тогда я и смогу позволить себе кусочек-другой.

Ташкент, столица Узбекистана, был целью путешествия не только для Бродских. Вместе с ними прибыли сотни других семей, бежавших с территорий, пока ещё не оккупированных немецкими захватчиками. И это не был единственный пришедший сюда эшелон. В Узбекистан стягивались поезда из всех прифронтовых территорий. Ташкент оказался наводнённым тысячами голодных, без надежды на кров беженцев, которых никто не встречал, и никто не ждал. Не имея ни малейшего представления, как налаживать свою жизнь, люди ютились прямо на привокзальной площади, под открытым небом. Если находилось какое-нибудь одеяло или простынь, которую стелили прямо на землю, можно было ощутить это место как клочок своей собственной территории, служившей пристанищем. Беженцы были измучены голодной дорогой, многие были ранены и больны, среди них были разного возраста дети, уже прошедшие через ужас бомбёжек и личных трагедий. Многие из этих детей уже успели осиротеть и вступали на путь самостоятельного выживания.

Администрация города явно не справлялась с размещением вновь прибывших. Местное население, не всегда готовое на гостеприимство, постепенно принимало отдельные семьи под свой кров. Приехавших регистрировали, выдавая талоны на мизерную еду в виде пустоватого супа, слабо заправленного мукой.

– Вода! Горячий вода! – раздавался на площади постоянный клич. Это было единственным, что всегда можно было получить.

Осиротевших детей устраивали в детские дома. Но толпы бездомных, беспризорных мальчишек рыскали по площадям и базарам, промышляя мелким воровством, охотясь за продуктовыми карточками драками, силой, групповыми атаками на слабых, старых, наивных и немощных людей, добывая себе этим скудное пропитание.

Вот уже две недели Дора оставляла родителей с маленьким Борей на привокзальной площади и уходила в город на поиски работы и на рынок, где пыталась обменять на еду то немногое, что у них ещё осталось. Её поиски были настолько безрезультатными, что однажды, доведённая до отчаяния, она вернулась к семье, едва сдерживая слёзы. Кто-то посоветовал ей уехать из Ташкента в городок поменьше, где было меньше беженцев и больше возможностей найти свой шанс на сельскохозяйственных работах. Поразмыслив немного, Бродские действительно решили уехать в маленький городок Янгиюль, расположенный неподалёку.

Янгиюль тоже встретил Бродских забитой привокзальной площадью с сотнями беженцев, занятых всё теми же попытками найти работу, крышу над головой и как-то выжить в сложившейся обстановке. Но привокзальная площадь была поменьше ташкентской, следовательно, и беженцев здесь действительно было меньше. Беженцев таким же образом регистрировали,

выдавали талоны на такой же суп и так же предлагали *горячий вода*, как и на ташкентском вокзале.

Через неделю-две Дора нашла работу на окраине городка на большой животноводческой ферме, где в её обязанности входило убирать за козами да баранами и кормить их несколько раз в день. Знание местного языка в работе с козами да баранами не требовалось, да и узбеки худо-бедно говорили и понимали по-русски. Но теперь появилась возможность подкормить семью, и Дора была бесконечно рада своим достижениям. Её беспокоило состояние здоровья родителей, особенно отца. Длинная голодная дорога, бездомные неустроенные недели и постоянный стресс сильно подкосили его состояние: он весь опух, особенно ноги, ставшие огромными, как колоды. Он утратил интерес к еде и почти не мог передвигаться. Дора знала, что Папе нужен тщательный уход, постельный режим и правильное питание. Как, спрашивается, она могла всё это организовать для него? Время шло, а вся семья всё ещё жила под открытым небом.

Правление совхоза постоянно обращалось к населению Янгиюля, убеждая в необходимости помогать беженцам и приютить в своём доме как можно больше людей. Местным жителям пришлось потесниться.

Днём теснота казалась терпимой, так как жизнь гуртом во дворе была привычным делом. Двор, как система жизнеобеспечения, как повседневный театр узбекского быта, испокон века входил в национальную культуру Узбекистана. Во дворе стояли самодельные круглые печи (тандыры), в которых пекли большие круглые лепёшки, готовили нехитрую еду, кипятили воду, заваривая свои бесконечные чаи. И тут же во дворе, на специально построенных больших квадратных помостах (айванах), накрытых стёгаными одеялами (курпачами), поджав под себя ноги, вождельно пили чай. Чай непременно должен был быть горячим даже в самую жару. А на себя мужчины надевали толстые ватные халаты, призванные помочь сохранить температуру своего тела. Сюда приглашали гостей, здесь собирались соседи, обедали и спали. Помосты (айваны) служили местом, на котором регулярно шёл обмен новостями, местом для домашнего увеселения. Их умышленно строили над текущими по дворам арыками, прохлада которых помогала пережить жаркий день. Баюкающий эффект журчащей воды придавал сладость послеобеденному сну и успокаивал усталость рабочего дня.

Когда на землю спускались сумерки, кипение дворовой жизни постепенно угасало и переходило внутрь домов, где люди готовились ко сну. Было тесно, но теснота была привычным делом. Никто не жаловался, всем хватало места: взрослые спали на топчанах, а дети – везде: на сундуках, скамейках, на полу. А тут ещё и семьи беженцев, снимающие угол, часто отгороженный висящей простынёй, как занавеской.

Бродским повезло. Им удалось найти маленькую комнатку, пристройку к дому с выходом на задний заброшенный дворик. Когда-то в ней, как в кладовке, держали всякие нужные и ненужные вещи. А теперь она была пустой и грязной, как сарай. Дора с матерью прибрали всё, как смогли, а хозяйева дали им большую старую курпачу (стёганое одеяло). Её постелили прямо на глиняный пол, и она служила постелью для всей семьи. Для мебели места не оставалось, хотя мебели никакой всё равно не было. Поместилась в углу еле живая книжная полка, куда можно было разместить какие-то пожитки. Низкий потолок, как, впрочем, и стены, был сделан из земли, замешанной с глиной и соломой. Очевидно, в этой земле ещё таилась жизнь, поэтому сверху комнатки вместо крыши боролась за своё существование слабенькая травка.

Мало что помнит из своей маленькой жизни в Янгиюле полуторагодовалый Боренька, но многое рассказала своим детям позже Дора, точнее, Дора Ефимовна. Рыженький Боренька помнит, как в жаркий день купала его мама в арыке, помнит, как играл на заднем дворике с маленьким поросёнком, которого подарили Доре за хорошую работу. Поросёночек быстро вырос, его продали на базаре и затем на выручку заботливо и терпеливо выкормили опухшего дедушку. Свинину Бродские никогда не ели, даже в такие голодные годы. Их рацион и меню были более чем скромны. Ели отвары из отрубей, макуху, бабушка где-то доставала патоку,

счастьем были узбекские лепёшки, заменяющие хлеб, а иногда – картошка, ставшая для Бори любимым блюдом на всю жизнь.

Летом 1944 года, когда стало известно, что Одесса освобождена, Бродские решили вернуться домой. Мама много рассказывала повзрослевшему Бореньке об Одессе. Он любил слушать её истории, но даже тогда, когда колёса телеги уже везли их с тряской по булыжной одесской мостовой, пятилетний Боря спрашивал Маму:

– А где же Одесса?

Их родной, тёплый, солнечный город встретил Бродских зелёной листвой и руинами разбитых домов и кварталов. Город выглядел израненным и больным, от чего на глаза наворачивались слёзы. Дора крепко сжимала заветный ключ от их квартиры и думала:

– Мы дома. Слава Б-гу, мы почти дома!

Рахиль Давидовна сказала притихшему от усталости мужу:

– Дома и стены помогают. Скоро приедем и отдохнём. Я тоже устала, мы все устали. Смотри, мы уже на Неженской!

А Боренька твердил своё:

– Так где же Одесса?

– Везде, куда не помотришь – это Одесса, – ответила ему Дора и смахнула со щеки неудержавшуюся слезу.

Вот уже и пятый номер²⁰. Они сгрузили с телеги свои нехитрые пожитки и направились к воротам родного дома. Вошли во двор и остановились на мгновение, оглядывая дорогие сердцу истерзанные войной стены с зияющими дырами разбитых окон. А в глубине двора, как и прежде, бежала вверх на второй этаж лёгкая лестница с перилами по бокам. Эта лестница снилась Доре по ночам, когда спускалась ночь на ресницы в течении всех этих четырёх лет. В поездах и на узбекской курпаче, пронизанной душком чужого тела она мечтала взбежать по этой дорогой лестнице, ведущей к заветным дверям родного дома. Бросив, где стояла, свою поклажу, спешно доставая по дороге ключ из кармана, Дора кинулась к двери и с возбуждённым восторгом стала вставлять его в замочную скважину. Но странное дело! Дверь не поддавалась. Мало того, за дверью раздался какой-то шум, шарканье ног и грохот цепочки.

– Кто там? – прозвучал чей-то помятый скрипучий голос. – Чего-кому надо?

Дора обомлела. В полной растерянности оглянулась она на застывшую мать и вдруг с силой и отчаянием затарабанила в дверь:

– Выходи, слышишь? Выходи. Это ты здесь не понятно, что делаешь! – Ей было всё равно, что её слышит весь двор. – Пусть, пусть слышит. Пусть все знают, что мы наконец дома. Это наш дом, наша квартира и никому её не отдадим.

На шум и крики стали выглядывать из окон соседи и, запахивая старенький халатик, вышла из соседней двери... мадам Фанштейн.

Квартиру Бродских занял Васька-фотограф, живший до войны в полуподвальном помещении под лестницей. Многие оставшиеся в доме нееврейские семьи тоже перебрались в квартиры уехавших или погибших евреев. В этих квартирах оставалась мебель, постельные и кухонные принадлежности, книги, сервизы и столовое серебро – всё необходимое, чтобы войти с пустыми руками и жить с комфортом. Когда беженцы возвращались домой, прижившиеся в их квартирах люди чаще всего не хотели оттуда выезжать.

Фанштейнам повезло: их квартиру отдали назад довольно быстро. Бродским же пришлось долго и болезненно воевать, чтобы вернуть свою. Васька-фотограф въехал на жилплощадь Бродских с помощью дворника Ленского. Того самого, который тяжеленными сапожниками с яростью топтал содранные со стен портреты Абраши и Тимофея, отца Бореньки. В расчёте на то, что Бродские сгинут где-то и не вернуться, дворник и Васька выбросили всё,

---

²⁰ Так говорят в Одессе. Имеется ввиду дом № 5.

что сочли нужным, в том числе и семейные фотографии. Среди них было много фотографий Тимы, отца Бореньки, из-за чего он никогда не знал отцовского лица.

Пока Дора ходила по разным инстанциям, добиваясь возврата квартиры, Бродских приютили у себя Фанштейны. У них в доме яблоку негде было упасть, настолько было тесно. Кроме Бродских они дали приют Евиной двоюродной сестре с маленькой дочкой Сонечкой, которая на два года была старше Бореньки. В двухкомнатной квартирке Фанштейнов, состоящей из маленькой столовой и маленькой спальни, проживало восемь человек. Около полугода Дора обтаптывала пороги местных властей и ничего не могла изменить. И, наконец, она решила обратиться за помощью в Кремль, в Москву, к Климентию Ворошилову. Пришёл ответ, в котором категорично было приказано освободить жилплощадь Бродских в течении 24 часов. Боря с Сонечкой бегали по двору с радостными возгласами:

– Ура! Победа! Мы победили! Квартира наша!

Соседи-доброжелатели были рады за Бродских. Рахиль Давидовна всегда была кладезью мудрости для всех, кто искал её совета, и поэтому пользовалась большим уважением всего двора. Только сама бабушка была очень огорчена судьбами тех еврейских семей, которых недо считалась в доме по возвращении.

На семью Ланковских, детей которых очень любила Рахиль Давидовна, донёс в немецкую комендатуру всё тот же дворник Ленский. Это случилось в первые же дни после взятия немцами Одессы. У них было четверо детей. И, когда за ними пришёл с арестом румынский конвой, простая женщина, прачка тётя Валя, живущая в доме, украдкой предложила Ланковскому-старшему оставить с ней младшую дочь, четырёхлетнюю Диночку, чтобы хотя бы ей дать шанс спасти жизнь. На что отец с болью, стоящей в глазах, ответил:

– Спасибо, но нам всем надо быть вместе. Кто знает, какие испытания выпадут на долю ребёнка, незащищённого семьёй?

Ланковские, как и многие другие евреи дома, так больше и не вернулись. А по Одессе пробежали взволнованные разговоры о массовых расстрелах еврейского населения в районе знаменитой Слободки. Это было страшно.

Около трети квартир опустело в доме. Часть евреев бежала до прихода фашистов в Одессу. А другая, большая часть, оказалась расстрелянной, замученной, многие были угнаны неизвестно куда. И, пока еврейские квартиры стояли без хозяев, находились людишки, которые без стыда и совести тащили из них всё, что только можно было унести: подушки, ковры, постельное бельё, посуду и даже мебель. Соседи дома часто знали тех, кто воровал и какие вещи куда и к кому попали. Тем, кому удалось вернуться, доброжелатели-соседи шептали по секрету, где они могут востребовать свои вещи, но получить их назад далеко не всегда удавалось. За них часто надо было бороться и нередко с опасностью для жизни.

Из квартиры профессора Кацмана, например, было украдено пианино. Кацманам удалось узнать, где оно находится, всего в нескольких кварталах от дома на соседней улице. Но, отправившись за своей фамильной реликвией, профессор больше не вернулся. Его ждали, его искали, но он пропал бесследно.

Наворовавшиеся строго-настрога наказывали своим детям никогда не приглашать в дом своих друзей по двору, боясь, что кто-то из них может случайно узнать или вынести украденное, и их деяния станут известны окружающим. Бывали случаи, когда еврейские хозяйки узнавали свои полотенца или простыни на чужих бельевых верёвках во время сушки. И каждый потерпевший решал для себя сам: идти на конфликт в борьбе за своё, или нет. Живя в трудностях и послевоенных лишениях, многие еврейские семьи не сумели вернуть нажитое добро. Многие просто устали от борьбы и, стараясь избежать конфликтности, жили дальше, не думая о потерянном.

Весь город беззубо зиял руинами домов, и наивно бесстрашные мальчишки рыскали по развалинам в поисках трофейных находок и романтических приключений. Дети пролезали в

узкие щели подвалов и находили немецкие штыки, наганы и даже гранаты. То и дело в разных районах города раздавались взрывы, при которых трагически гибли дети, неумело обращавшиеся с пороховым оружием.

Боря тоже был счастливым обладателем найденных им трофеев. Часами он начищал до блеска найденный немецкий штык с маленькой свастикой возле рукоятки. А однажды ему посчастливилось найти наган. Правда, он был очень ржавый, и ни одна его деталь не сдвигалась с места, но всё же настоящий. Боря прятал свои сокровища дома под кроватью, но соблазн показать их друзьям во дворе был очень велик.

Однажды, замотав наган в старое полотенце, он выбежал во двор. Но к его великой досаде двор был пуст, зато в ворота вошёл водопроводчик и направился куда-то в подвал ремонтировать что-то. Пятилетний Боря, казалось, родился для того, чтобы шалить, озорничать и разыгрывать всех вокруг себя. Он бросился вслед за водопроводчиком в подвал и, незаметно подкравшись к нему, наставил на рабочего свой покрытый ржавчиной наган и закричал:

– Руки вверх!

По всей вероятности, водопроводчику было не до смеха. Он знал, что мальчишки находили в разбитых домах настоящее боевое оружие и, увидев худенького малыша с торчащими ушками, направившего на него ствол, остолбенел от опасности получить глупую пулю в лоб. Боренька и водопроводчик минуту-другую смотрели друг на друга, боясь шелохнуться. Наконец пришедший в себя взрослый протянул руку ребёнку и спокойно сказал:

– Дай-ка сюда свою игрушку.

Боренька резко развернулся и бросился бежать без оглядки, спасая своё сокровище, закутывая его в полотенце от посторонних глаз.

На следующее утро через весь двор прошагал милиционер в сопровождении водопроводчика. Они поднялись по лестнице к квартире Бродских и постучали. Рахиль Давидовна открыла дверь и впустила их в дом. Перепуганный Боренька сразу понял, в чём было дело и юркнул в спальню, забившись в угол. Из прихожей до спальни доносились обрывки разговора.

– Поди сюда, разбойник! – позвала бабушка.

Сердце Бореньки громко колотилось и пыталось выскочить из груди.

– Ты меня слышишь? Иди сюда, – повторила она свою просьбу.

«Делать нечего», – подумал Боренька и осторожно вышел из спальни.

– Давай сюда наган, – серьёзно глядя на Борю, сказал милиционер.

– Какой наган? У меня ничего такого нет.

– Давай, давай, – поддержал милиционера водопроводчик, – видел я твою пушку. «Руки вверх», говоришь? Перепугал ты меня до смерти, герой.

– Если не отдашь, я тебя арестую и отведу в тюрьму, – припугнул милиционер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.